

БЕДНОСТЬ И НЕРАВЕНСТВО В СВЕТЕ СОВРЕМЕННЫХ ПОДХОДОВ ПРЕОДОЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ БЕДНОСТИ

**POVERTY AND INEQUALITY IN THE LIGHT OF MODERN APPROACHES
TO OVERCOMING RUSSIAN POVERTY**

УДК 338.23

DOI 10.24411/2713-1424-2021-10024

Белоусова С. В., ведущий научный сотрудник, к.э.н., доцент, Иркутский научный центр Сибирского отделения Российской Академии наук, Россия, г. Иркутск

Belousova P.V., belousova-@mail.ru

Аннотация

Предметом рассмотрения статьи является феномен бедности в свете проблемы избыточного экономического неравенства, являющегося центральным источником формирования российской бедности, индикативный и институциональный анализ которого обосновывает критический пересмотр социально-экономической политики государства взамен официального способа борьбы с этой проблемой без учёта причин ее формирования (таргетирование бедности).

Целью работы является актуализация причинно-следственных факторов формирования бедности в России, главным из которых является критически высокий уровень неравенства с оценкой роли, характера и причин его обуславливающего.

Объектом исследования социально-экономические отношения в обществе, в котором сформировалось устойчивая тенденция роста неравенства, вызывающая и поддерживающая массовое явление бедности в стране.

Гипотезой исследования является тезис о неэффективности борьбы с бедностью на основе только увеличения числа и уровня социальных выплат и социальных программ, без учёта причин бедности, тем самым не затрагивая никаких социально-экономических процессов по ее формированию. Между тем как индикативный, так и институциональный подход анализа основных причин бедности показывает главенствующую роль избыточного неравенства в формировании проблемы российской бедности. В свою очередь неравенство обусловлено неэффективностью распределительной и перераспределительной политики государства, вызванной отсутствием научной обусловленности и системности политических решений.

Методология проведения работы основана на междисциплинарном взаимодействии знаний из области философии, социологии, экономики, статистики, политологии, теории общественного сектора, социально-экономического анализа и др., которое позволяет повысить целостность рассмотрения проблемы бедности и причин ее формирующих. Результаты работы могут быть использованы как в теории и практике формирования социально-экономической политики, так и в аспекте актуализации научного поиска и исследований реальных взаимосвязей социально-экономических процессов в обществе.

Annotation

The subject of the article is the phenomenon of poverty in light of the problems of excessive economic inequality, which is the main source of formation of Russian poverty, and indicative of institutional analysis which involves a critical revision of social-economic policy of the state instead of the official way of dealing with this problem without considering the reasons of its formation (targeting of poverty).

The aim of the work is to update the cause-and-effect factors of poverty formation in Russia, the main of which is a critically high level of inequality with an assessment of the role, nature and causes of its cause.

The object of research is socio-economic relations in a society that has formed a stable trend of increasing inequality, which causes and supports the mass phenomenon of poverty in the country.

The hypothesis of the study is the thesis that the fight against poverty is ineffective based only on increasing the number and level of social payments and social programs, without taking into account the causes of poverty, thus not affecting any socio-economic processes for its formation. Meanwhile, both the indicative and institutional approach to the analysis of the main causes of poverty shows the dominant role of excessive inequality in the formation of the problem of Russian poverty. In turn, inequality is caused by the inefficiency of the state's distributive and redistributive policies, caused by the lack of scientific conditionality and systematic political decision.

The methodology of the work is based on an interdisciplinary interaction of knowledge from the fields of philosophy, sociology, Economics, statistics, political science, public sector theory, socio-economic analysis, etc., which makes it possible to increase the integrity of the consideration of the problem of poverty and its causeP. The results of the work can be used both in the theory and practice of socio-economic policy formation, and in the aspect of actualization of scientific research and research of real interrelations of socio-economic processes in society.

Ключевые слова: бедность, экономическое неравенство, распределительная и перераспределительная политика государства.

Keywords: poverty, economic inequality, distributive and redistributive policies of the state.

Введение

Россия - богатая страна с бедным населением. Бедность в современной российской экономической ситуации стала масштабной и критической макроэкономической проблемой, стоящей в центре социально-экономических реформ. Соответственно, количество политических

заявлений об острой необходимости снижения бедности становится явственно больше, включая прозвучавшее в Послании Федеральному собранию от 15 января 2020 указание президента РФ Владимира Путина о необходимости снижения бедности в России на 10% в 2020 году (в майском указе президента 2018 года была поставлена задача добиться двукратного снижения уровня бедности к 2024 году). Однако предлагаемый подход к снижению бедности явно носит крайне рамочный или точечный, несистемный характер по аналогии с не менее узкой антиинфляционной политикой. В этой связи президент заявил что «...мы должны таргетировать бедность, делать это так, как мы таргетировали инфляцию».

Подобное таргетирование согласно концепции президента должно строиться на основе увеличения числа и уровня социальных выплат и социальных программ, без учёта причин бедности, тем самым не затрагивая никаких социально-экономических процессов по ее формированию. При этом современный анализ бедности говорит об обусловленности этой проблемы в первую очередь избыточностью неравенства, которое формируется, в том числе, благодаря отрицательной регулирующей роли государства в проведении социально эффективной распределительной и перераспределительной политики. В результате происходит устойчивое расширенное воспроизводство бедности, которая по разным оценкам включает до половины населения России, при том, что сам феномен бедности остаётся недостаточно достаточно неоднозначным.

Бедность в аспекте причинно-следственных факторов: индикативный анализ.

Эксперты признают, что, несмотря на обилие точек зрения по поводу феномена бедности нет общепринятой конструктивной концепции, которая вела бы к пониманию этого явления во всей его полноте и многообразии, позволяла бы находить пути борьбы с бедностью, чётко устанавливала бы связи этого явления с другими явлениями общественной жизни. Понятие

бедности почти полностью лежит в плоскости относительных категорий, что объясняет многоголосье подходов в объяснении ситуации массовой бедности. Попытки объяснить ситуацию массовой бедности в стране, вписываются в три основные тенденции осмысления этой проблемы: реакционная, связанная с недоверием к современным оценкам бедности и требованием переосмысления ее количественной оценки в условиях российской действительности; неолиберальной, принимающей неравенство и бедность как объективный атрибут цивилизационного развития общества «одной трети» [17], неравнозначно входя в которое Россия вынуждена иметь гипертрофированную проблему бедности и традиционная, связывающая высокий уровень бедности в первую очередь с неэффективным управлением, особенно в сфере распределения, перераспределения доходов и неравенством, которое при этом формируется.

Согласно этим подходам на текущий момент в отношении понятия бедности сложилось несколько вариантов ее рассмотрения. Во-первых, реакционная концепция делает упор на социально-экономическую составляющую проблемы: «...можно сказать, что индивиды, семьи и группы населения живут в бедности, если им не хватает средств питаться, действовать, как большинство населения, иметь жилищные условия и вкушать прелести жизни, доступные большинству, – если они не могут жить в обществе, к которому они принадлежат, так, как живёт большинство населения» [35]. Правда, в этом случае остаётся вопрос оценки жизненного стандарта, от которого отклоняются бедные и здесь обнаруживается многоголосье мнений и оценок, весьма противоречивых друг к другу.

Во-вторых, с неолиберальных позиций в проблеме бедности превалирует социокультурный аспект, расценивающих бедность как состояние людей, имеющих минимальное количество ликвидных ценностей и ограниченный доступ к социальным благам. В результате бедность становится особым образом и стилем жизни, передающимся из поколения в поколение нормой поведения, стереотипом восприятия и психологии.

Результат такой формы жизнедеятельности людей – маргинализация и социально-экономической деградация общества, приводящая к кризисам, напряженности и социальным взрывам.

Превалирующая неолиберальная концепция строится исходя из фактической повсеместности и масштабности этой проблемы. Так в своём ежегодном докладе [36] за 2020 г. МОТ обрисовала текущую картину бедности, охватывающую в настоящее время половину населения в мире и затрагивающую все страны. Почти половина населения Земли – 46%, или 3,4 млрд человек – борется за удовлетворение базовых потребностей и живёт на менее чем \$ 5,5 в день (\$ 5,5 в день – это черта бедности в странах с уровнем дохода выше среднего). Более 26% населения планеты, свыше 1,9 млрд человек, живёт менее чем на \$ 3,2 в день (\$ 3,2 в день – это черта бедности в странах с уровнем дохода ниже среднего).

«Разрыв в доходах» между наиболее обеспеченными и бедными квинтилями в мире увеличивается. В 1960 г. он составлял 30:1, а к 2020 г. этот разрыв возрос до 84:1. Бедность является глобальным явлением, существующим во всех обществах. Даже в 20 наиболее развитых странах свыше 15% населения находятся ниже черты бедности и получают менее 50% среднего дохода [13].

В-третьих, традиционный подход рассматривает бедность это комплексную проблему, как результат взаимодействия всех сторон жизнедеятельности общества при котором значимой ролью в этом явлении играет политический аспект. «Бедность – это комплексная проблема и продукт влияния политического процесса и политического развития» указывал Элкок П. в своей работе «Создание бедности» [31]. В этом аспекте присутствует и наиболее крайнее мнение: «бедность и нищета...– не что иное, как проявление политико-экономического терроризма власти (и богатых), которая не может (не умеет, не хочет) сделать жизнь иной» [30]. Можно добавить, что в основе такого терроризма лежит форма собственности, определяющая характер государственного управления,

которая и вызывает к жизни подобные формы терроризма. В этом случае требуется изучение глубинных экономических и политических тенденций формирования «политико-экономического терроризма власти».

Разнокачественность и интегративная сложность рассмотрения данных подходов в конечном итоге способствуют упрощению идентификации проблемы бедности в рамках понимания, что это комплексная, качественная и, в большей степени, относительная категория, не поддающаяся точному учёту. «Бедность в широком понимании характеризует определённый уровень (норму) потребления, неадекватный условиям воспроизводства человеческих ресурсов. При практической же ее оценке встают политэкономические проблемы взаимосвязи индивидуальной и общественной полезности и потребления, поскольку товар даже в первом ярусе потребностей человека социализирован. Поэтому в ряде стран (например, США, бюджет Геллера) бедность рассматривается в контексте системы жизненных стандартов и масштаба (диапазона) различий ее уровней. Система же жизненных стандартов привязана к среднестатистическим характеристикам реальной жизнедеятельности домохозяйств в материальном измерении. Такой подход медианных оценок натуральных параметров потребления до сих пор не введён в российскую практику, исходя из того что в разрезе проблемы бедности формирование правовых «пороговых» норм жизнедеятельности человека является для политиков неудобной задачей» [4].

В отсутствие анализа последнего рассмотрение бедности осуществляется в рамках количественного анализа проблемы посредством поиска наиболее разумной интерпретации двух основных аспектов: диапазона характеристик жизнедеятельности населения: потребление, доход, расход, стоимость жизни, жилье, образование, экологические и природные условия и т.д. и ограничивающих критериев, зонированных проблему бедности или «черта бедности». Однако между первым и вторым аспектами существует объективное противоречие в масштабе учёта всей сложности оценки жизнедеятельности населения, при ограниченности возможности

установление однозначных зонированных границ или показателей, определяющих качество жизни. Установление зон бедности в настоящее время идёт по пути создания комплексных подходов оценки бедности (оценки многомерной бедности, социальной исключённости, материальной депривации и др.), рассматривающих эту проблему как определённую зону неблагополучия, учитывающую различные факторы жизнедеятельности людей. Пока широкого распространения оценок, учитывающих различные факторы жизнедеятельности людей нет, однако подобные подходы находят отражение в локальных оценках бедности на основе деприваций, балльного индекса бедности по всему имущественному комплексу домохозяйства и др.»

«Отсутствие детально проработанной комплексной методики количественной оценки бедности обуславливает широкое распространение более простого абсолютного метода определения границы бедности (административно-нормативная оценка натурального потребления, позволяющая удовлетворять минимальные физиологические потребности). Вторым параметром в оценке бедности, а именно, диапазон значений характеристик жизнедеятельности населения ограничивается статистическим распределением населения по денежному доходу. Неоднозначность абсолютных границ бедности указывается многими, как и способ статистической оценки распределения населения по денежному доходу на основе логнормального распределения. Современный расчёт границы бедности полностью игнорирует какие-либо эмпирические способы оценки, тем самым, выводя основной социальный норматив из реального социального пространства. Возможность же изменения ситуации с количественной оценкой бедности значительно ограничена разными обстоятельствами: высокими теневыми доходами, значительным уровнем неденежных доходов и др. Хотя, с нашей точки зрения, низкий уровень абсолютной границы бедности параллельно компенсируется «заниженным» уровнем денежных доходов. Поэтому совершенствование расчёта уровня бедности одновременно по двум параметрам при сохранении текущей

ситуации по проблеме может не иметь желаемого результата в виде снижения уровня бедности.

В результате проводимые в различных странах многочисленные исследования, как и официальные инструменты, различающиеся по методологии и масштабам, с трудом поддаются сравнению и обобщению. Из-за нечёткости критериев и низкого уровня достоверности статистических сведений определение масштабов бедности бывает затруднено даже в пределах одной страны и колеблется от исследования к исследованию. Следует особо отметить, что современные тенденции учёта бедности все больше тяготеют к оценкам качества жизни с противоположной направленностью их значений, поскольку и в том и другом случае становится необходим анализ всех аспектов жизнедеятельности человека, обеспечивающих ему нормальное функционирование» [4].

Сложность и неоднозначность количественной оценки бедности, как и соответственно концептуальной конструкции данного феномена, обуславливает неутрачиваемую остроту исследований и обсуждений этого аспекта проблемы, часто в ущерб не менее важной иной стороны, связанной с причинно-следственными процессами по формированию подобного явления. Наверно поэтому, несмотря на многочисленность исследований этой проблемы власти заявляют¹ об отсутствии понимания причин бедности в России, в силу чего стагнирует процесс создания комплексной программы поддержки малообеспеченных жителей России. Хотя, скорее всего речь идёт о формировании нужной или удобной парадигмы причин бедности, при том, что имеющийся инструментальный и институциональный механизм анализ проблемы явственно раскрывает явные истоки этой проблемы.

Характер причинно-следственных процессов, связанных с формированием проблемы бедности можно проследить на основе действующих комплексных индикаторов анализа бедности, к числу которых

¹ В правительстве РФ не могут понять причины бедности в стране и считают, что нужно ее сначала изучить // Аргументы недели от 12 мая 2019 года. - URL:<https://argumenti.ru/society/2019/05/612831> (дата обращения: 12.05.2021).

относят индекс Джинни, коэффициент фондов, индекс Сена, глубина бедности, острота бедности и др. Каждый из этих индексов в большей степени характеризует одно или несколько направлений причин обеднения людей:

- дефицитности (недостаточности) материального состояния этой части населения;
- неравномерного распределения доходов,
- результата единого влияния факторов материальной недостаточности и степени расслоения по доходам и др. факторам (рис. 1).

Группируя распространённые комплексные статистические параметры анализа бедности по этим трём направлениям можно сформировать, по меньшей мере, два интегральных параметра: комплексный индекс неравномерности распределения доходов и комплексный индекс недостаточности материального состояния. Соотношение состояния и динамики последних может продемонстрировать, по крайней мере, относительную роль базовых факторов обеднения людей: дефицитности (недостаточности) материального состояния этой части населения и неравномерного распределения доходов.

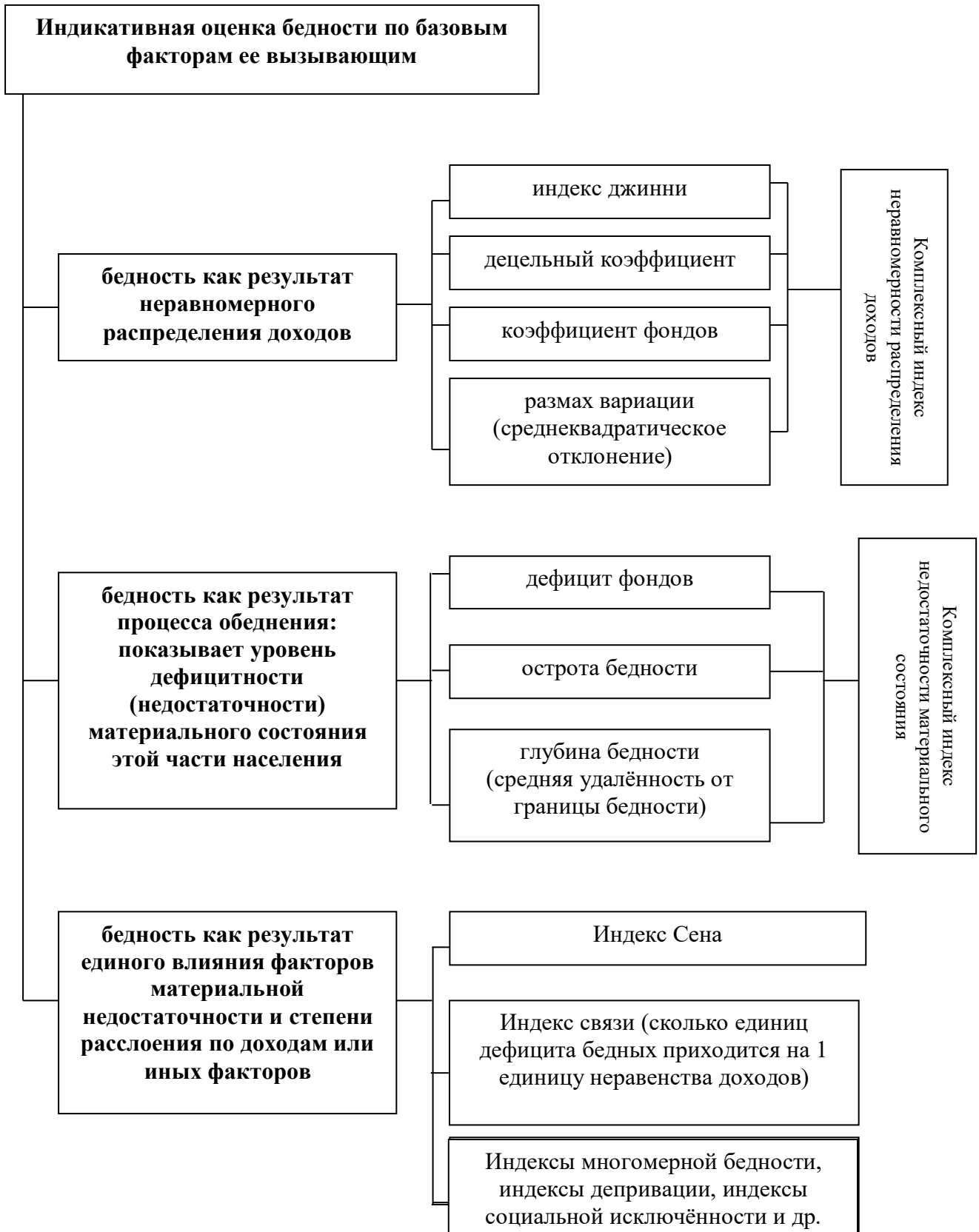

Рис. 1. Формирование комплексных параметров оценки бедности

Безусловно, процесс обеднения связанный с дефицитом или недостаточностью материального состояния людей последовательно растёт в России, что наглядно видно по статистическим параметрам за период 2005-2018 гг. (рис. 2).

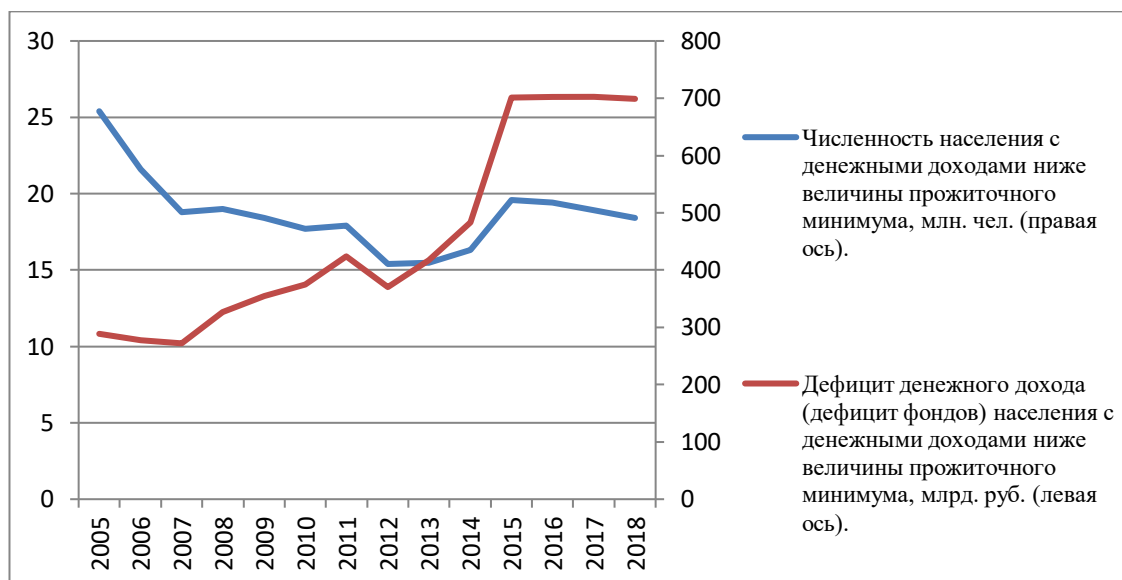

Рис. 2. Параметры анализа проблемы бедности в России за период 2005-2018 гг.

Однако проблема этого дефицита кроется в большей степени в системе распределения и перераспределения доходов, структурная динамика которых показывает наряду с консервацией роли иных доходов, последовательный удельный рост заработной платы в общих доходах за последние годы (рис. 3).

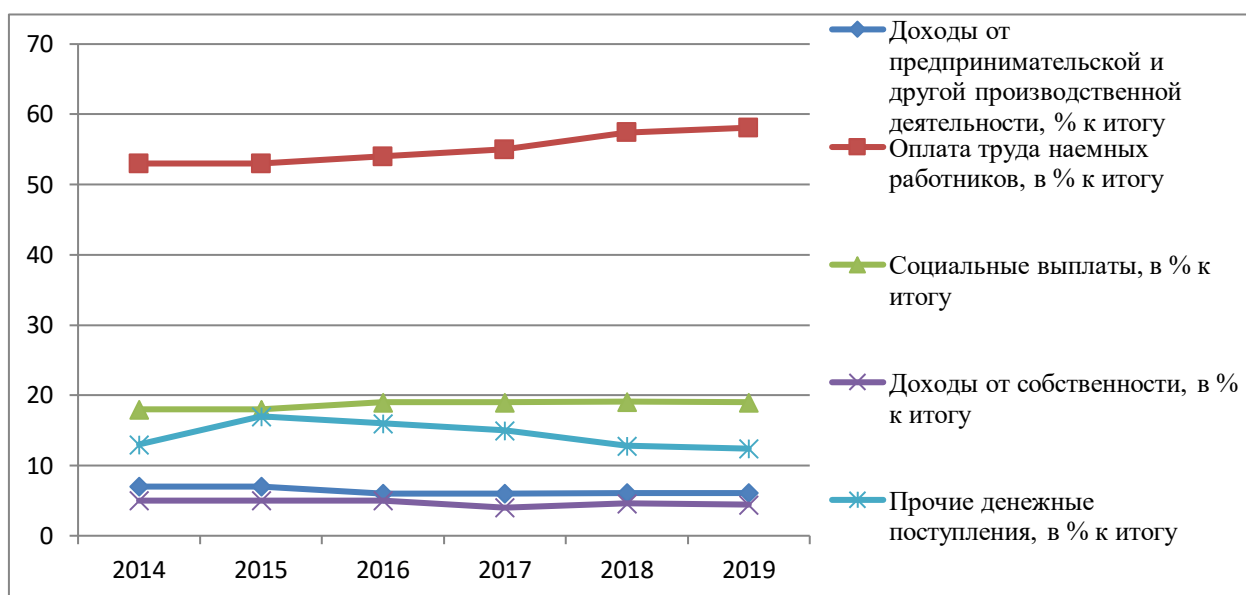

Рис. 3. Динамика структуры доходов населения РФ за 2014-2019 гг.,%

В свою очередь каждый из видов доходов имеет серьезный уровень неравенства распределения, что наглядно видно в соотношении удельного уровня видов доходов между децильными группами населения (табл. 1), в результате чего последовательно накапливается сильное имущественное расслоение в стране, на что указывает наиболее высокий уровень коэффициента фондов по сбережениям населения.

Таблица 1.

Уровень неравенства по структуре доходов населения РФ за 2015-2017 гг.

Доходы	2015 г.		Коэф-фициент фондов	2017 г.		Коэф-фициент фондов
	Децильная группа, 20%			Децильная группа, 20%		
	1-я	5-я		1-я	5-я	
Доходы от предпринимательской деятельности	1,8	26,6	8,1	1,90	24,6	9,0
Оплата труда	6,2	48,2	15,2	5,8	49	16,8
Социальные выплаты	15,2	7,7	-	14,0	6,5	-
Доходы от собственности	1,7	36,9	153,8	1,8	33,9	128
Сбережения во вкладах и ценных бумагах	0,4	49,4	355,3	0,5	52,1	386,1

В свою очередь высокое имущественное расслоение формирует многочисленные проблемы крайней ограниченности возможностей бедного

населения для развития предпринимательства, повышения образования, роста качества человеческого капитала, что является основой экономического развития.

Бедность в аспекте причинно-следственных факторов: институциональный анализ.

Рассматривая базовые факторы обеднения с институциональных позиций можно выявить ряд характеристик дающих чёткую картину критичности их роли в данном процессе. Согласно докладу о развитии человека 2019 года, разработанного программой развития ООН, около 5,7 миллиарда людей демонстрируют множественные факторы бедности по 10 показателям в сфере образования, здравоохранения и уровне жизни в 101 странах при расчёте «индекса многомерной бедности» [34]. При этом главным компонентом остаётся крайняя материальная ограниченность жизнедеятельности, высокие корреляционные связи с которой как раз и демонстрируют параметры бедности в образовании, здравоохранении, ЖКХ и др.

В развитии понимания роли материальной ограниченности жизнедеятельности в проблеме бедности часто используют различные уровни линий или границ бедности. Линией, отделяющей бедных от небедных, считается доход, составляющий определённый процент (40%, 50% или 60%) от медианного дохода в конкретной стране или регионе [3]. Рассматривая данный подход, эксперты рассчитали различные варианты оценки дефицита доходов бедных по разным критериям линии бедности, которые показали российский варианты линии бедности по прожиточному минимуму и 50% от медианного подушевого дохода в стране или регионе даёт примерно одинаковую сумма дефицита дохода бедного населения России в объёме 550-650 млрд. руб. Таким образом, дефицит денежного дохода в малоимущих домашних хозяйствах (с доходами ниже величины прожиточного минимума) составляет чуть больше триллиона рублей или

около 3,5% от фонда денежных доходов 10% наиболее обеспеченных групп населения [12]. Чуть большую оценку дефицита даёт министерство труда и соцзащиты РФ, говоря о том что «россиянам не хватает суммарно порядка 750-800 миллиардов рублей доходов, чтобы уровень бедности в стране стал нулевым»², что говорит о нехватке в среднем примерно 38 тыс. руб. на человека в год или примерно одной среднемесячной заработной платы.

Однако проблема в дефиците доходов бедных не столько в ее критических размерах, сколько в том, что эту сумму дефицита в размере заработной платы не могут себя обеспечить в основном работающие, трудоспособные бедные, так как по статистике наибольшая часть малоимущих в России это работающие люди в трудоспособном возрасте – более 58%. Пенсионеров среди бедных только 12%, в то время как в структуре населения их около 25% [7]. Все это говорит о высоком уровне влияния политики распределения и перераспределения доходов на уровень бедности.

Весомую роль в этом процессе играет государство, которое устанавливает и поддерживает соответствующий критически минимальный уровень заработной платы. Так минимальная заработная плата в РФ на текущий момент составляет – 12130 руб. или 188\$, что намного ниже, чем в ряде других стран (Бразилия – 256\$, Индия – 195\$, Китай – 365\$, Аргентина – 292\$, Ирак – 293\$, Иран – 263,5\$, Турция – 550\$ и т.д.)³. При том, что минимальная зарплата в нашей стране ниже средней в 4,7 раза, в то время как в вышеуказанных странах – только в 2-2,5 раза и это при том, что по разным оценкам 10-12% населения нашей страны получает заработную плату ниже прожиточного минимума. В итоге бедность в указанных странах распространена намного меньше, хотя уровень экономического развития у большей их части – заметно ниже (в 1,5-2 раза), чем в России [2].

² Топилин разъяснил, как рассчитали дефицит доходов бедных семей. – РИА Новости от 15 января 2019 г. – URL: <https://ria.ru/20190115/1549370815.html> (дата обращения: 12.05.2021).

³ Список стран мира по минимальному размеру оплаты труда // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_мира (дата обращения: 2.05.2021).

Причина столько сильного расхождения между экономическими возможностями страны и уровнем бедности ее населения кроется в сильнейшей поляризации и неравенстве доходов. Хотя бедность и неравенство традиционно рассматриваются как два самостоятельных негативных социально-экономических процесса, между тем это глубоко взаимосвязанные явления, что декларируется, в том числе, Генеральным директором МОТ: «неравенство является основной причиной снижения доходов большинства семей...» [22]. Это же подтверждают исследования отечественных экспертов которые доказывают, что без сокращения неравенства невозможно сокращение уровня бедности [27]. Их прогнозные расчёты показывают: «...если реальные доходы населения будут расти со среднегодовым темпом в 8-10%, а механизмы распределения доходов останутся теми же, то двукратного снижения численности бедных в стране в целом можно будет достичь в лучшем случае только через семь лет». Следует при этом отметить, что реальные доходы населения за последние годы последовательно снижаются. За 2014-2018 годы реальные располагаемые доходы уменьшились на 10,5 %, реальная начисленная заработная плата – на 4,5%, реальный размер назначенных пенсий – на 6% [7]. Таким образом, в реальности бедность и неравенство – это звенья одной цепи, которые неразрывно взаимосвязаны и без решения проблемы неравенства ситуация с бедностью вряд ли выйдет из области декларативных задач.

Неравенство как неравное, не тождественное соотношение между величинами, процессами, смыслами и т.д. является основой и источником движения и развития в соответствии с диалектическим законом единства и борьбы противоположностей. Между тем критики диалектики [21] говорят о противоположности или неравенстве скорее как о конфликте и тормозе развития. Подобный диссонанс в понимании присутствует и в отношении экономического неравенства трактуемого как различие по показателям экономического благосостояния между отдельными лицами в группе, между

группами населения или между странами. При этом измерение уровня различия или неравенства с последующим установлением связи между типами и элементами неравенства и показателями экономического развития является базовым направлением исследования этой проблемы. В этой связи формируются внутренние и внешние критерии оценки уровней неравенства. Согласно внутренним критериям выделяют нормальное и избыточное неравенство, при этом нормальное считается как неравенство, при котором всё экономически активное население имеет возможность полностью реализовывать свой потенциал, а остальная часть населения обеспечена вполне приемлемым уровнем жизни [28], т.е. в отсутствии бедности. В противном случае говорят об избыточном неравенстве, хотя неравенство в отсутствии бедности, весьма условное понятие, поскольку и сама бедность есть относительная категория, зависящая от общего уровня жизни.

Другим вариантом идентификации нормального неравенства является ситуация когда не превышает безопасное значение в 8 раз по соотношению доходов у 20% групп наиболее и наименее обеспеченного населения, что присутствует в ряде стран Европы [15]. В этом случае в России наблюдается избыточное неравенство, поскольку соотношение доходов составляет 16 раз [11].

С позиции внешних критериев, неравенство связывается с большим набором социально-экономических состояний и их оценок, что позволяет выявлять уровни неравенства, дающие отрицательный эффект на те или иные стороны общественной жизни. Так согласно методике расчёта индексов многомерной бедности и неравенства возможен анализ общих потерь в развитии человека вследствие, в частности, учёта неравенства. Только по показателю Индекса развития человеческого потенциала (ИРЧП), скорректированного с учётом неравенства (ИРЧПН), рассчитываемого для 139 стран⁴, можно выявить существенные потери в развитии человека по

⁴ Список стран по индексу человеческого развития с учётом неравенства в распределении здоровья, образования и дохода // Википедия. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_индексу_

причине неравенства в области здравоохранения, образования и доходов. Для России такие потери составляют не менее 10% от первоначального ИРЧП, что говорит о том, что неравенство существенным образом отрицательно влияет на человеческий потенциал и качество жизни [1].

Разнообразные грани отрицательного воздействия неравенства на социально–экономическое развитие общества достаточно хорошо освещено учёными. Неравенство имеет абсолютное и относительное воздействие на широкий круг социально-экономических показателей. Так многочисленные исследования показали прямую связь между характером распределения доходов и экономическим ростом. При этом для определённого уровня неравенства повышение уровня благосостояния бедных и среднего класса на 1 процентный пункт может привести к повышению темпов роста ВВП на 0,38 процентного пункта [8], по другим оценкам, понижение неравенства на 1 пункт (по коэффициенту Джини) в российских условиях приведёт к увеличению совокупного экономического роста на 0,8 процентных пункта [26]. С другой стороны, узкий рост концентрации доходов населения сопровождается снижением темпов роста вкладов населения, инвестиций, понижением уровня доверия к бизнесу и мерам, направленным на поддержку предпринимательства, недостаточным инвестированием в человеческий капитал, а значит снижением рождаемости и продолжительности жизни и т.д.

Неравенство имеет громадное влияние на социальные процессы, включая рост авторитарных тенденций в управлении, масштабирование коррупции, повышение уровня нервозности, нестабильности и агрессивности в стране [14], а значит и рост преступности. Так около половины преступлений по России носит имущественный характер, а среди лиц, совершивших преступление, 65,9% не имели постоянного источника дохода⁵.

человеческого развития с учётом неравенства в распределении здоровья, образования и дохода (дата обращения: 12.05.2021).

⁵ Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2015 год // Российская газета. Федеральный выпуск. 2016. № 60. с. 16-27 (24 марта). – URL: <https://rg.ru/2016/03/24/ombudsman-doklad-dok.html> (дата обращения: 12.05.2021).

В силу обострившихся последствий критического состояния неравенства в России данная проблема квалифицируется самой значимой внутренней угрозой для государства, поскольку когда «рост не распределён равномерно, а только небольшая горстка людей становится баснословно богатой, тогда власть богатых представляет собой риск для благополучия всех остальных» [9]. Данный риск для России крайне велик, поскольку страна стала лидером в мире по ограниченной концентрации доходов и имущества. По данным доклада Global Wealth Report за 2015 г., на долю 1 % россиян приходится 71 % всех активов физических лиц в России. В мире в целом этот показатель равен 46 %; в Африке – 44; в США – 37; в Китае и Европе – 32; в Японии – 17 % [16].

По оценкам экспертов [18] доходы самых обеспеченных россиян растут на 70-90 % в год – темпами, абсолютно недостижимыми для бедных соотечественников, при том, что данные доходы не участвуют в последующем перераспределении посредством благотворительности или иным способом. Так, по данным World Bank по количеству долларовых миллиардеров планеты Россия занимает 5-ое место (108 миллиардеров, чей совокупный объём чистых активов составляет 342 \$ млрд.) и 127 место по благотворительности (за данными Charities Aid Foundation «Мировой рейтинг благотворительности 2012») [6].

При этом государство в России практически не регулирует различия в доходах населения в интересах обеспечения устойчивого экономического роста и социального благополучия всех слоёв общества, неправомерно полагая, что широкомасштабную бедность можно побороть, не затрагивая вопросы социальной дифференциации [10]. Причина скорее в том, что государственная политика в этом вопросе строится на неолиберальных и неоклассических моделях экономики, для которых масштабы неравенства складываются как результат действия совокупности естественных экономических процессов и минимального влияния государственного перераспределения доходов.

В отношении первого экономического неравенство с точки зрения учёных является объективным результатом рыночных процессов. Современные модели, описывающие тенденции роста неравенства, включая афинскую модель благосостояния, модель А. Чакраборти и др., демонстрируют неизбежность формирования ситуации неравенства или точнее последовательную концентрацию имущества в одних руках при любой цепочке сделок. В этих условиях «естественное распределение благосостояния неуправляемой рыночной экономики – это абсолютная олигархия» [5], которая на фоне высокого уровня «перепроизводства элит» [25] является важнейшим источником экономического и социально-политического кризиса общества. Росту неравенства объективно способствует и действие закона преимущественного роста дохода на капитал над экономическим ростом [19], обеспечивая преимущественный рост доходов от собственности, значительно опережающий рост доходов от фактора труд. В России этот закон проявляется наиболее ярко, поскольку как отмечают эксперты [20], денежный капитал олигархии растёт и увеличивается независимо от экономических кризисов или роста производства, повышения его технического уровня или крайне низкого инновационного развития.

Скорректировать объективные процессы роста неравенства призвана государственная перераспределительная политика, однако характер ее реализации во многом остаётся крайне несовершенен. Современный российский перераспределительный процесс наиболее ярко отразил М. И. Веллер как «Доходы теперь перераспределяются так, чтобы верхушка получала настолько много, насколько можно, а низам давали бы настолько мало, насколько можно» [29].

В итоге другим источником неравенства признано является государственная политика перераспределения доходов о которой Джозеф Стиглиц писал: «Неравенство есть следствие провалов политической системы, и именно оно ведёт к росту нестабильности нашей экономической

системы» [23]. Этому же вторит исследование Т. Пикетти, который утверждает о большом влиянии политических факторов на динамику неравенства [19]. Характер такого влияния проявляется как в действующем механизме перераспределительной политики, так и в характере использования возможностей его настройки на уменьшение неравенства, что определяется качеством преобладающих в обществе политических институтов. Именно качество институциональной среды, а точнее эффективность работы механизмов государственного управления определяет последующий результат социально-экономических процессов преодоления неравенства. Эксперты отмечают, что «российская политика перераспределения доходов неэффективна ни в части налогового механизма, ни в отношении трансфертных платежей, а также не адаптивна имеющимся реалиям» [19]. Доказательство чему служит с одной стороны отмена прогрессивного налогообложения с 2001 года (Федеральный закон № 117 от 5 августа 2000 г.). Специалисты [24] подчёркивают, что дифференциация российского общества по доходам наиболее близка к американскому типу, но в отличие от плоской российской шкалы налогов в США используется шестиступенчатая шкала подоходного налога (от 10% до 40% в зависимости от дохода). Потенциальное использование американской ставки налогов 40% в отечественной практике обеспечило бы поступление в бюджет свыше 1 трлн руб.

С другой стороны, государство поддерживает крайне низкий уровень минимального размера оплаты труда, тем самым консервирует проблему неэффективной низкооплачиваемой занятости. Индекс Кейтца (соотношение между минимальной и средней заработными платами) в России, по состоянию на 2019 года, составляет около 23,5 % (минимальная зарплата 11280 руб. и средняя 48030 руб.), при том, что в странах ОЭСР индекс Кейтца не опускается ниже 40 % [32].

Основные проблемы неэффективности перераспределительной политики связываются с отсутствием научной обусловленности и

системности политических решений, связанных с формированием и функционированием механизма перераспределения, для которого даже нет общепризнанного критерия количественной оценки. В итоге базовые ценностные принципы политики распределения и перераспределения слабо институционализированы, в результате чего практические методы реализации этой политики являются внутренне противоречивыми, непоследовательными и в большей степени зависимы от лоббирования и популистских целей политического процесса.

Изменение ситуации, как в мире, так и в России связывается [33] с более глубокой и системной работой государственных органов на основе рациональных политических реформ и использования иного методологического обеспечения. Так в области борьбы с бедностью и неравенством необходимы новые качественные оценки неравенства экономического развития и иные концептуальные подходы понимания и анализа взаимосвязи всех составляющих социально-экономических процессов в обществе, формирующих тренды роста дифференциации и неравенства.

Заключение

Бедность и неравенство стали самыми острыми проявлениями кризисности современного развития общества, при этом в официальной политике, если и признают важность и необходимость борьбы с бедностью, то за рамками ее связи с неравенством. При этом даже международные источники [37] массово признают критичность именно российской ситуации с неравенством, которая ведёт к ухудшению экономического положения населения страны в целом. Эксперты признают весомую роль эффекта по перетеканию доходов от бедных к богатым. Так по их оценкам при росте доходов населения России за последние 20 лет в среднем на 34%, у беднейших 50% граждан доходы упали на 26%, у следующих 40% доходы выросли на 5%, но у 10% высокообеспеченных россиян выросли в среднем

на 190% (почти в 3 раза). Вместе с тем у топ 1% доходы выросли в 8 раз, у топ 0,1% - в 26 раз, у топ 0,01% (таких в России не более 10 тысяч человек) - в 80 раз, топ 0,001% - рост в 250 раз.

Низкий рост доходов населения РФ в целом (при общемировой тенденции за этот же период – рост 64%), сопровождающийся катастрофическим расслоением общества, последовательно обостряет проблему преодоления масштабного неравенства. Однако российский вариант борьбы с бедностью предлагается реализовать только посредством таргетирования, т.е. путём частных мер финансовой поддержки бедного населения. Между тем, острота и хроничность проблемы бедности, как в мире, так и в России ставит задачу глубокого анализа причин и механизмов формирования бедности и неравенства. Последнее связывается в большей степени с неэффективностью распределительной и перераспределительной политики государства. Видимо в связи с этим традиционное восприятие перераспределения доходов как универсального механизма борьбы с бедностью предлагается заменять политикой «по расширению и распределению как возможностей, так и доходов до, во время и после активного участия в экономике» [33], т.е. глубокого, системного причинно-следственного охвата понимания и оценки всех составляющих социально-экономических процессов в обществе.

Литература

1. Абалкин Л. Проблемы современной России. – М.: ИЭ РАН, 2011. – С. 61.
2. Аганбегян А.Г. Преодоление бедности и сокращение неравенства по доходам и потреблению в России // ЭКО. 2017. №9. С. 66-75.
3. Андреева Е.И., Бычков Д.Г. Внедрение универсального (единого) пособия по бедности: сколько стоит переход // Финансовый журнал. 2016. №6(34). С. 71-80.

4. Белоусова С.В. Социальное государство как инструмент обеспечения качества жизни: монография: ИрГУПС, 2012. – 204 С.
5. Богосян Б. Неизбежное казино // В мире науки. 2020. №1-2. С. 130-140.
6. Васильев Н.И., Дегтярева О.Н. Имущественное неравенство в России // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2014. № 5. С. 104.
7. Градусов В.В., Градусова В.Н. Социально-экономические слагаемые благополучия россиян // Россия: тенденции и перспективы развития Ежегодник Ответственный редактор В.И. Герасимов. . 2019. №14. Ч.1. С. 81-85.
8. Григорьев Л.М. Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. 2017. №3. С. 58-71.
9. Дитон А. Через тьму к светлому будущему // Через 100 лет: ведущие экономисты предсказывают будущее. Под ред. И. Паласиоса-Уэрты. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2016, С. 78.
10. Долматова С.А. Российская специфика дифференциации доходов в госсекторе: работающие бедные // Вопросы политической экономии. 2017. №1. С. 33-39.
11. Ермакова Э.Р. Социально-экономическое неравенство как следствие несовершенства процессов перераспределения // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Том. 14. №7. С. 1235-1250.
12. Зубова Л.Г. Неравенство и бедность в России: динамика, причины, необходимость преодоления // Народонаселение. 2017. №3. С. 104-115. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-8
13. Иванов Н., Гоффе Н., Монусова Г. Глобализация и бедность // Мировая экономика и международные отношения. 2010. №9. С. 29-42.
14. Казанцев С.В. Опасность социально-экономического неравенства // Мир новой экономики. 2016. №4. С. 51-65.

15. Кохно П. Опережающей экономике необходима прогрессивная шкала налогообложения доходов физических лиц // Экономист. 2017. № 11. С. 40-50.
16. Кравцов Д.И., Панкратьев В.В. Проблемы бедности в России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. №1. С. 107 -15.
17. Литинская Е.Ю., Матюшина Ю.Б. Генезис основных теорий бедности // Берегиня.777.сова. 2017. №4(35). С. 208-215.
18. Неравенство доходов и экономический рост: стратегии выхода из кризиса. – М.: Культурная революция, 2014, 406 С.
19. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015, 592 С.
20. Плышевский Б. Накопление капитала в постсоветском периоде // Экономист. 2016. № 9. С. 22-36.
21. Поппер К. Что такое диалектика? //Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118-138.
22. Сочнева Е.Н. Развитие человеческого капитала в России как фактор экономического роста и развития // Экономический рост: факторы эффективного развития (монография) Под общей ред. Г.Ю. Гуляева. – Пенза: Изд-во: Наука и Просвещение, 2017, С. 22-31.
23. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо, 2015, 512 С.
24. Стиглиц Дж., Сен А., Фитусси Ж.-П. Неверно оценивая нашу жизнь. Почему ВВП не имеет смысла? Доклад Комиссии по измерению эффективности экономики и социального прогресса. – М.: Институт Гайдара, 2016, 216 С.
25. Турчин П. Историческая динамика: почему государства растут и падают. – М.: УРСС, 2008. (Серия «Синергетика: от прошлого к будущему»). 368 С.

26. Чиньяно Ф. Тенденции неравенства доходов и его воздействие на экономический рост // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т.10. №3. С. 97-111.
27. Шевяков А.Ю. Социальная политика и реформирование распределительных отношений // Вестник Российской академии наук. 2007. Т. 77. №3. С. 52-67.
28. Шевяков А.Ю. Измерение экономического неравенства / А.Ю. Шевяков, А.Я. Кирута. – М.: Лето, 2002, 320 С.
29. Шигарева Ю. Михаил Веллер: «История даёт нам весёлые уроки» // Аргументы и Факты от 14 мая 2014. URL: https://aif.ru/society/history/mihail_veller_istoriya_daet_nam_veselye_uroki (дата обращения: 12.05.2021).
30. Шорохов В.П., Морозова Н.Н. Богатые и бедные: концептуальная дилемма // ЭКО. 2003. № 7. С. 124.
31. Alcock P. Understanding Poverty. MacMillan Press Ltd, Houndmills, Basingstoke, Hampshire RG21 6XS and London, 1993, pp. 9-13, 57-74.
32. Lukiyanova A., Vishnevskaya N. Decentralization of Minimum Wage Setting in Russia – Causes and Consequences // Economic and Labor Relations Review. 2016. Vol. 27. No. 1. P. 98-117.
33. Human Development Report 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. – URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (дата обращения: 12.05.2021).
34. Human Development Reports 2019. Global Multidimensional Poverty Index (MPI). United nations development programmer. – URL: <http://hdr.undp.org/en/2019-MPI> (дата обращения: 12.05.2021).
35. Townsend P. Poverty in the United Kingdom: a Survey of Household Resources and Standards of Living. Penguin, 1979, P. 31.
36. World Employment and Social Outlook: Trends 2020 International Labor Office – Geneva: ILO, 2020.
37. World Inequality Report 2018 WIR. World Inequality Lab, WIL 2018 – URL: <https://wir2018.wid.world/> (дата обращения: 12.05.2021).

Literature

1. Abalkin L. problems of modern Russia. – M.: Institute of Economics of RAS, 2011. – P. 61.
2. Aganbegyan A. G. Overcoming poverty and reducing inequality in income and consumption in Russia // EKO. 2017. No. 9. P. 66-75.
3. Andreeva E.I., Bychkov D. G. the Introduction of universal (unified) poverty: how much is the transition // journal of Financial. 2016. No. 6(34). P. 71-80.
4. Belousova P.V. The social state as a tool for ensuring the quality of life: monograph: IrGUPS, 2012. - 204 p.
5. Bogosian B. The Inevitable Casino // In the world of science. 2020. No. 1-2. P. 130-140.
6. Vasiliev N.I., Degtyareva O.N. Property inequality in Russia // Bulletin of the Pskov State University. Series: EconomicP. Right. Management. 2014. No. 5. p. 104.
7. Degrees V.V., Gradusova V.N. Socio-economic components of the well-being of Russians // Russia: trends and prospects of development Yearbook Executive Editor V. I. Gerasimov. . 2019. No. 14. Part 1. P. 81-85.
8. Grigoriev L.M. Social inequality as a problem of Russia's economic strategy // The world of the new economy. 2017. No. 3. P. 58-71.
9. Deaton A. Through the darkness to a bright future // In 100 years: leading economists predict the future. Edited by I. Palacios-Huerta. - M.: Publishing house of the Gaidar Institute, 2016, p. 78.
10. Dolmatova P. A. Russian specifics of income differentiation in the public sector: working poor // Questions of political economy. 2017. No. 1. P. 33-39.
11. Ermakova E. R. Socio-economic inequality as a consequence of imperfection of redistribution processes // National interests: priorities and security. 2018.Vol. 14. No. 7. P. 1235-1250.

12. Zubova L. G. Inequality and poverty in Russia: dynamics, causes, the need to overcome // Population. 2017. No. 3. P. 104-115. DOI: 10.26653/1561-7785-2017-3-8
13. Ivanov N., Goffe N., Monusova G. Globalization and poverty // World Economy and International relations. 2010. No. 9. P. 29-42.
14. Kazantsev P. V. The danger of socio-economic inequality // The world of the new economy. 2016. No. 4. P. 51-65.
15. Kohno P. Advanced economy needs a progressive scale of taxation of personal income // Economist. 2017. No. 11. P. 40-50.
16. Kravtsov D. I., Pankratiev V. V. Problems of poverty in Russia // Socio-economic and humanitarian Journal of the Krasnoyarsk State University. 2018. No. 1. P. 107 -15.
17. Litinskaya E. Yu., Matyushina Yu. B. Genesis of basic theories of poverty // Bereginya. 2017. No. 4(35). P. 208-215.
18. Income inequality and economic growth: strategies for overcoming the crisis. - Moscow: Cultural Revolution, 2014, 406 p.
19. Piketty T. Capital in the XXI. - M.: Ad Marginem Press, 2015, 592 P.
20. Plyshevsky B. Capital accumulation in the post-Soviet period // Economist. 2016. No. 9. P. 22-36.
21. Popper K. What is dialectics? // Questions of philosophy. 1995. No. 1. P. 118-138.
22. Sochneva E. N. Development of human capital in Russia as a factor of economic growth and development // Economic growth: factors of effective development (monograph) Under the general editorship of G. Y. Gulyaev. - Penza: Publishing house: Science and Education, 2017, P. 22-31.
23. Stiglitz J. The price of inequality. How the stratification of society threatens our future. Moscow: Eksmo, 2015, 512 p.
24. Stiglitz J., Sen A., Fitussi J.-P. Misjudging our life. Why does GDP not make sense? Report of the Commission on Measuring the Effectiveness of the Economy and Social Progress. - Moscow: Gaidar Institute, 2016, 216 P.

25. Turchin P. Historical dynamics: why states grow and fall. - Moscow: URSS, 2008. (Series «Synergetics: from the past to the future»). 368 p.
26. Cignano F. Trends in income inequality and its impact on economic growth // Bulletin of International Organizations: education, science, new economy. 2015. Vol. 10. No. 3. P. 97-111.
27. Shevyakov A. Yu. Social policy and reformation of distributive relations // Bulletin of the Russian Academy of Science P. 2007. Vol. 77. No. 3. P. 52-67.
28. Shevyakov A. Yu. Measurement of economic inequality / A.Yu. Shevyakov, A. Ya. Kiruta. - M.: Summer, 2002, 320 P.
29. Sigareva Y. Michael Weller: «History gives us lessons» // Arguments and Facts may 14, 2014. URL: https://aif.ru/society/history/михаил_веллер_история_дает_нам_веселые_уроки (accessed: 12.05.2021).
30. Shorokhov V. P., Morozov N. N. The rich and the poor: a conceptual dilemma // ЕКО. 2003. No. 7. P. 124.
31. Alcock P. Understanding Poverty. MacMillan Press Ltd, Houndmills, Basingstoke, Hampshire RG21 6XS and London, 1993, P. 9-13, 57-74.
32. Lukyanova A., Vishnevskaya N. Decentralization of minimum wage establishment in Russia-causes and consequences // Review of Economic and labor relation P. 2016. Volume 27. No. 1. P. 98-117.
33. Human Development Report for 2019. Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequality in human development in the 21st century. - URL: <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (accessed: 12.05.2021).
34. Human Development Reports for 2019. The Global Multidimensional Poverty Index (MPI). United Nations Development Programme. - URL: <http://hdr.undp.org/en/2019-MPI> (accessed: 12.05.2021).
35. Townsend P. Poverty in the United Kingdom: a review of household resources and living standard P. Penguin, 1979, P. 31.
36. World Employment and Social Prospects: Trends 2020 International Labour Office-Geneva: ILO, 2020.

37. World Inequality Report 2018 WIR. World Inequality Laboratory,
WIL 2018-URL: <https://wir2018.wid.world/> (accessed: 12.05.2021).